

«Добрый молодцам урок»

А.В. Корнеев

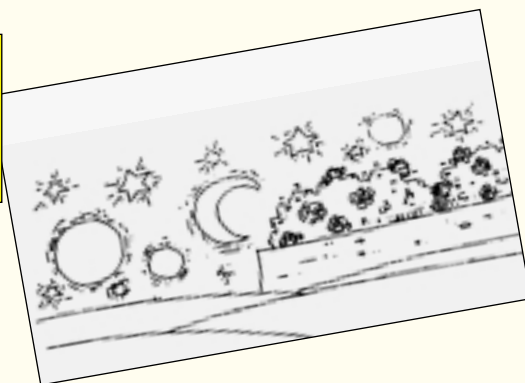
Из всех пушкинских творений едва ли не самое загадочное – «Сказка о золотом петушке». Даже происхождение ее сюжета долгое время оставалось загадкой. Напрасно было бы искать среди богатейшего разноцветья народных сказок такую, которая хотя бы отдаленно напоминала сочиненную Пушкиным. И хотя, как и положено в русских сказках, действие там происходит

Негде, в тридевяти царстве,

В тридесятом государстве,

а среди героев есть и царь, и его сыновья-царевичи, других ее персонажей – мудреца-кудесника звездочета и таинственную обитательницу шелкового шатра – Шамаханскую царицу – скорее можно было бы встретить в своде восточных сказок «Тысяча и одна ночь». Однако и там мы не найдем мотивов, которые указывали бы на связь с небылицей о золотом петушке.

Только столетие спустя после создания пушкинской сказки удалось установить источник ее сюжета. Это посчастливилось сделать Анне Ахматовой. Оказывается, в основу своей небылицы Пушкин положил «Легенду об арабском звездочете» своего современника – американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), вошедшую в его книгу «Альгамбра». Так звучно и красиво назывался старинный замок – крепость-дворец – в испанском городе Гранаде, воздвигнутый в XIII–XIV веках, когда в стране властвовали мавры. Спустя столетия Ирвинг, путешествуя по Испании, провел несколько месяцев в Гранаде и описал красоты Альгамбры в своей книге, включив в нее и связанные с замком древние предания. Изданная в 1832 году на французском языке в Париже, эта книга была в пушкинской библиотеке.

Герой легенды – мавританский султан Абен-Габуз провел жизнь в нападениях на соседние государства, а состарившись и одряхлев, возжаждал спокойствия. Однако желанного покоя ему так и не было – теперь уже правители сопредельных стран нападали на него. На помощь султану пришел арабский звездочет, много странствовавший по свету и видевший в Египте чудо, о котором он и поведал престарелому владыке. Над неким городом на горе стоит баран, а на нем петушок – оба из литой меди – и вращаются на одной оси. Всякий раз, когда городу угрожает нашествие, баран поворачивается в сторону неприятеля, а петушок кричит, предупреждая жителей об опасности и указывая, откуда она грозит. А для султана астролог сооружает волшебного медного всадника, указывающего своим копьём в сторону приближающегося вражеского войска. Султан одерживает много побед, но затем сам терпит поражение, оказавшись во власти чар прекрасной готской принцессы, **из-за которой и возникает у него спор со звездочетом...**

Как выяснилось позднее, в основу изложенной Ирвингом арабской легенды легли предания о великом древнеримском поэте Вергилии, за которым молва упрочила славу мага и чародея. Легенды гласят, что Вергилий воздвиг в Риме роскошный дворец, где были установлены статуи, олицетворявшие все области, подвластные Риму, каждая с деревянным колоколом в руке. Когда в какой-нибудь из областей возникала опасность, тотчас соответствующая статуя начинала зво-

нить в колокол. Тогда же на вершине дворца появлялся медный всадник и, потрясая копьем, оборачивался в ту сторону, откуда грозила беда...

Богатейшая фантазия Пушкина искусно преобразила старинные легенды, создавая лукавую и причудливую небылицу о золотом петушке. Главным ее персонажем вместо мавританского султана сделался царь Дадон. Не случайно поэт назвал царя этим именем: слово «дадон» означает «неуклюжий, нескладный, несуразный человек»; оно встречается в народной речи и вошло в «Толковый словарь» В.И. Даля. Дадонем назвал Пушкин и злого, жестокого царя-деспота в сказочной поэме «Бова», написанной им в годы пребывания в лицее:

Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, стольном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного.

В «Сказке о золотом петушке» царь Дадон изображен ярко и колоритно. Саркастически именуемый «славным», а на деле ленивый и скудоумный, он проводит все время в сладостной дремоте, а с подданными разговаривает зевая.

Монарх, дремлющий на троне! Подобный сатирический образ встречается порой в произведениях русской литературы на рубеже XVIII и XIX столетий.

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля, —
писал Г.Р. Державин в первоначальной редакции оды «Властителям и судиям».

В «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев с негодованием вывел на суд потомков самодержца, зевающего на троне (вспомним его аллегорический сон). А сатирик начала XIX века С.Н. Марин написал басню «Трон и постелья», которая завершается многозначительной строкой:

Но часто трон царям
постелею бывает.

...Неизвестно, как бы сложилась судьба Дадонова царства и самого Дадона, если бы на по-

мощь царю не пришел кудесник-звездочет, подаривший ему верного стража — волшебного золотого петушка. И теперь Дадон может упиваться покоем, отдыхая от ратных дел и повседневных забот, повелевать, возлежа на пуховой перине. Исполнилось его заветное желание, воплотившееся в крике петушка:

Царствуй, лежа на боку!

И невдомек скудоумному царю, что в этом возгласе кроется злая насмешка над ним — ведь петушок кричит так вовсе не тогда, когда безмятежие ничем не нарушается, а как раз тогда, когда желанному спокойствию угрожает опасность, и обленившийся властитель поневоле должен пробуждаться от сладостной дремоты...

В благодарность царь обещает звездочету исполнить первое же его желание как свое собственное. Обещание действительно щедрое: ведь до сих пор Дадон не выполнял ничьих желаний — напротив, исполнялись только его прихоти!

Однако недолго довелось царю наслаждаться покоем. Однажды войско во главе со старшим сыном, устремившееся по зову петушка на восток — на встречу неведомому противнику, бесследно исчезает:

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.

Вновь кричит петушок, и встревоженный царь посылает на восток новую рать, возглавляемую теперь уже младшим сыном:

Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого.
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходят...

Когда в третий раз верный страж призывает Дадона *царствовать, лежа на боку*, царь вынужден расстаться с пуховой постелью и сам вести рать на выручку сыновьям:

Войска идут день и ночь
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,

Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.

Вот осмой уж день проходит...

Восемь дней идут навстречу неведомой опасности войска Дадоновых сыновей и самого царя Дадона. Трижды повторяется в сказке число *восемь*, обретая какое-то особенное, таинственное значение...

Долгое время для пушкинистов был загадкой найденный среди бумаг поэта незавершенный стихотворный фрагмент, представлявший собой очаровательную поэтическую миниатюру:

Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он поставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченясь на лошадаках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Анна Ахматова установила, что этот незавершенный отрывок должен был войти в «Сказку о золотом петушке». Он напоминает один из эпизодов «Легенды об арабском звездочете» Ирвинга, в котором султан увидел шахматную доску с фигурками – магическими изображениями вражеских воинов. При прикосновении волшебного жезла они или обращались в бегство, или начинали сражаться друг с другом. То же самое происходило и наяву с неприятельским войском.

Пушкин отказался от этого эпизода в своей сказке: он слишком усложнял ее сюжет. Однако «шахматный» мотив в нейлице все же остался. Как установил пушкинист В.С. Непомнящий, восемь дней походов царя Дадона и его сыновей – это восемь шахматных клеток – такова протяженность шахматной доски, на которой разворачивается сражение. И не подозревает Дадон, что он всего лишь фигурка в шахматной партии, искусно разыгранной звездочетом и Шамаханской царицей.

Движимый волей мудреца,
царь вместе с войском повто-

ряет путь пропавших сыновей, чтобы найти их убитыми возле таинственного шатра, скрытого в горном ущелье. Пространство возле шатра сделалось полем битвы, в которой погибли и оба царевича, и все их ратники.

Вдруг шатер

Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Лицом к лицу встречается царь Дадон с Шамаханской царицей, даже не подозревая, что она и есть тот враг, против которого направлял его с войском золотой петушок.

Бесспорно, обитательница шелкового шатра – самый загадочный из всех персонажей пушкинской сказки. Роковая красавица внезапно появляется перед изумленным Дадоном, а после его гибели не менее внезапно исчезает. Какую цель преследует она, завоевывая его царство, и отчего вдруг пропадает, только что победительницей въехав в столицу? Обо всем этом мы можем только догадываться.

Постараемся ответить хотя бы на один вопрос – почему поэт назвал героиню своей сказки Шамаханской царицей?

Шамаха или Шемаха – древний город в современном Азербайджане, в прошлом столица Ширванского государства, а затем Шемаханского ханства. Издавна Шемаха славилась производством шелка. Современником ее присоединения к России в 1820 году был Пушкин.

Однако, как полагают литературоведы, наименование восточной красавицы могло быть подсказано поэту и иным источником.

Незадолго до написания «Сказки о золотом петушке» Пушкин получил от Павла Катенина только что вышедшую из печати сказочную поэму последнего «Княжна Милуша», в которой мы встречаем и царицу Шамахи. Герой поэмы – русский витязь Все-слав, странствуя подобно пушкинскому Руслану в поисках своей невесты, также похищенной во время брачного

пира колдуньей, помогает воинственной красавице Зюльфуре обрести законную власть над Шамаханским царством.

В отличие от героини Катенина, оружие пушкинской Шамаханской царицы – ее красота. Ранее она пленила своими чарами обоих царевичей, заставив их в братоубийственном поединке поразить друг друга, а теперь легко покоряет самого Дадона:

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.

Далее лучезарная красавица окончательно очаровывает старого царя, полностью подчиняя его своей воле, –

и без сражений завоевывает и его самого, и все его царство.

...Как мы убедились, все персонажи пушкинской небылицы имели своих предшественников. Но где же найти прототип ее заглавного «героя» – золотого петушка? В «Легенде об арабском звездочете» Ирвинга упомянут петушок, но не золотой, а медный. А в русских народных сказках встречаются золотые и конь, и свинка, и котик – только не петушок.

Золотого петуха мы находим в основательно забытой сказочной повести немецкого писателя последней четверти XVIII века Фридриха Максимилиана Клингера (1752–1831). В молодости бывший другом Гете, он переселился в 1780 году в Россию и остался в ней навсегда. Уже в XIX веке с ним были знакомы Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский,

Рисунок Кристины Звезжинской, 9 лет.

А.И. Тургенев, П.А. Вяземский. Лицейский друг Пушкина В.К. Кюхельбекер, путешествуя в 1820 году по Европе, привез Гете письмо от Клингера.

Как предположил академик М.П. Алексеев, Пушкин, знакомый с произведениями Клингера, мог знать и его «Историю о золотом петухе». Она была написана в 1783 году, вскоре после переезда автора в Россию. В некоей сказочной стране трон занимал бездумный и ленивый король; управляли же королевством придворные во главе с властной и капризной королевой. Однако страна процветала, поскольку государыня имела своего покровителя – золотого петуха. Для него в королевском дворце были отведены покои, охраняемые стражей. Никто не видел этого петуха, но все знали о нем – защитнике королевства от внешних и внутренних врагов.

Перья у петуха были золотые, гребешок красный, а лапки серебряные. Один лишь недостаток портил его красоту – огромное перо мышино цвета спускалось с гребня на клюв. От этого пера и зависело благополучие страны. Не ведая об этом, дочь короля юная принцесса Роза и влюбленный в нее паж проникают в дворцовые покои, где находится петух, и похищают его перо. Это открывает дорогу в королевство чужестранным завоевателям...

...После недельного пиршества Дадон вместе с ясноокой прелестницей отправляется в обратный путь в свое государство. И не догадывается одурманенный чарами царь, что он попрежнему всего лишь жалкая фигурка в шахматной партии, которая все еще продолжается, только теперь им движет воля иноземной царицы. Дадон безмерно счастлив – как он полагает, поход завершился крайне успешно: вместо неведомого врага, против которого посылал его с войском петушок, царь повстречал красавицу-девицу, согласную стать его женой. Привыкший к всеобщему рабскому повиновению, он испытывает неизведанное наслаждение, сам повинуюсь ей во всем и исполняя ее прихоти.

Шамаханская царица предстает подлинной победительницей, триумфально въезжая на колеснице вместе с поработанным ею Дадоном в его столицу. Что для нее все ратные силы дряхлого царя! Они оказались беспомощны перед всепобеждающей красотой. Отныне молодой царице принадлежит власть как над самим Дадоном, так и над всем его царством. Можно представить, что теперь она возьмет бразды правления в свои руки – ему останется лишь исполнять ее повеления. Полностью избавиться от всех государственных тягот и забот – это ли не заветная мечта «славного царя Дадона»!

Однако все планы нарушает неожиданное появление звездочета. Напомнив о царском обещании исполнить его желание как свое собственное, он просит подарить ему Шамаханскую девицу. Кто знает, быть может, мудрец, доселе оберегавший от врагов государство Дадона, хочет и теперь спасти его, освободив от чар жестокой красавицы? Однако царь, вконец утративший разум под их воздействием, услышав просьбу звездочета, резко меняет благодушный поначалу тон и грубо разговаривает с мудрецом:

«Или бес в тебя вернулся?

Или ты с ума рехнулся?

Что ты в голову забрал?..»

С поразительной легкостью нарушает Дадон данное им же самим клятвенное обещание:

«От моих от царских слов

Отпереться я готов», –

говорит он в черновом варианте сказки.

Царь предстает как деспот и самодур:

«Ничего ты не получишь,

Сам себя ты, грешник, мучишь.

Убирайся, цел пока –

Оттащите старика!»

Однако мудрец пытается спорить. Явление неслыханное: никто еще не осмеливался перечить царю! В ярости Дадон убивает звездочета.

Но с царями плохо вздорить, – замечает Пушкин в первоначальном варианте сказки. Понимая, что такие

слова никогда не будут пропущены цензурой, поэт заменил их другими:

Но с иным накладно вздорить.

Черная неблагодарность не остается безнаказанной – следом за мудрецом, погибшим от руки Дадона, падает бездыханным и сам царь – клятвопреступник и убийца.

Не случайно Пушкин завершил лукавую небылицу многозначительной концовкой, также запрещенной цензурой при первой же ее публикации:

Сказка ложь, да в ней намек –
Добрым молодцам урок.

Какой же тайный смысл вкладывал в свое творение поэт и на что намекал «добрым молодцам» – читателям?

«Сказка о золотом петушке» писалась осенью 1834 года – последней в жизни Пушкина болдинской осенью. Вопреки обыкновению, ему не работало в болдинском уединении. Вдохновение избегало его.

Незадолго до этого тайной полицией было вскрыто одно из писем поэта, адресованных жене. Внимание жандармов привлекли пронизанные горькой иронией строки: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за это мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут».

Пушкину довелось видеть Павла I и двух его сыновей: Александра I и Николая I (совсем как в сказке, где действует царь Дадон и двое царевичей).

Первый из них оставил по себе печальную память как о деспоте и самодуре. Таким он предстал и при мимолетной встрече с Пушкиным: царь приказал снять картуз с головы ребенка, которому не было еще и года, – перед самодержцем должны обнажать головы все!

Второй начал царствовать, переступив через труп своего отца. Так мог поступить и любой из сыновей Дадона, плененных чарами Шамаханской девицы и убивших друг друга, – под воздействием этих чар ца-

ревич не остановился бы и перед тем, чтобы поднять меч на собственного отца и вступить на освободившийся престол самому вместе с красавицей-царицей... В последние годы своего царствования бездейственный и слабый Александр I, как и Дадон, любой ценой жаждал покоя.

Третий из царей – Николай I объявил, что предоставляет Пушкину свободу. Он обещал, что сам будет цензором произведений первого поэта России. «Эта милость поставила Пушкина в самое затруднительное положение», – писал позднее В.А. Жуковский. Царская цензура оказалась куда более тягостной, чем обычная. Пять лет пролежал под спудом «Борис Годунов», прежде чем поэту удалось напечатать трагедию. Целый ряд пушкинских творений, в том числе «Медный всадник», представленных на высочайшее рассмотрение, так и не увидели свет при жизни автора.

Обещанной свободы не было. Даже возможности свободно передвигаться Пушкин был лишен – о каждой своей поездке в Москву или деревню он должен был ставить в известность шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа. Письма поэта вскрывались и прочитывались. Что же касается еще одной царской милости – пожалования придворного звания камер-юнкера, то она оскорбила поэта до глубины души.

Создавая свою лукавую сказку, Пушкин давал понять, что и царя может постигнуть заслуженная кара за нарушение собственного обещания. Поэту не довелось дожить до бесславного окончания царствования Николая I, который, подобно сказочному Дадону, много лет «наносил обиды смело» другим государствам, а затем втянул Россию в Крымскую войну и проиграл ее...

Алексей Вениаминович Корнеев – литературовед, член союзов писателей и журналистов России.